

Научная статья

УДК 811.511.142

DOI 10.17223/18137083/78/11

**Памятник хантыйской письменности Л. П. Вологодского
«Matveĭ elta jemuy̆ aĭkol-jastypsa» (1868):
именная морфология**

Ирина Максимовна Молданова

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
Ханты-Мансийск, Россия

Институт системного программирования имени В. П. Иванникова
Российской академии наук
Москва, Россия

uil.gera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2992-2247>

Аннотация

В истории хантыйского языкознания миссионерский этап хантыйской письменности лингвистами практически не изучен. В связи с этим особый интерес вызывает диалектная принадлежность памятника хантыйской письменности священника Вологодского «Евангелие от Матфея» («Matveĭ elta jemuy̆ aĭkol-jastypsa», Лондон, 1868. На титульном листе написано на фразе (разновидность готического письма) «Das Evangelium Matthái in den Dialect der obdorskischen Ostjaken übersetzt von P. Wologodski» (мы здесь приводим в современном алфавите)). На титульном листе данного издания указан обдорский диалект, однако исследователи отмечают, что «обдорский диалект Вологодского» является смешанным идиомом с березовскими чертами. В статье анализируются грамматические показатели имени существительного и парадигма личных местоимений в сопоставлении с материалами по западным диалектам хантыйского языка, а также с памятником хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900). Анализ грамматических показателей имени существительного показал, что исследуемый памятник содержит формальные показатели, характерные для шеркальского среднеобского и низямского диалектов, а также некоторые особенности, присущие приуральскому (обдорскому) диалекту.

Ключевые слова

хантыйский язык, диалект, памятник письменности, морфология имени существительного

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных», рук. Ю. В. Норманская).

Автор благодарит рецензента журнала д-ра филол. наук Н. Б. Кошкареву за ценные комментарии.

Для цитирования

Молданова И. М. Памятник хантыйской письменности Л. П. Вологодского «Matveĭ elta jemuy̆ aĭkol-jastypsa» (1868): именная морфология // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 144–165. DOI 10.17223/18137083/78/11

© Молданова И. М., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 144–165

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 1, pp. 144–165

Monument to the Khanty script of L. P. Vologodski “Matveĭ elta jemyń aĭkol-jastypsa” (1868): nominal morphology

Irina M. Moldanova

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
Khanty-Mansiysk, Russian Federation

Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

uil.gera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2992-2247>

Abstract

The missionary stage of the Khanty script has not been considered in Khanty linguistics. Of particular interest is the dialect belonging to the Khanty script monument of the Vologodski priest “The Evangel of Matthew” (“Matveĭ elta jemyń aĭkol-jastypsa”, London, 1868). The Obdorsky dialect is marked on the title page of this publication, but researchers note that “Obdorsky dialect of Vologodski” is a mixed idiom with birch features. This paper considers the grammatical indicators of the noun and the paradigm of personal pronouns compared with materials on western dialects of the Khanty language and the monument of the Khanty script “Sacred history” (Tobolsk, 1900). The analysis of grammatical indicators of the noun has not found any anomalous deviations in the category of number: the text contains both dual and plural forms; the case system has the nominative, illative, and locative; the values of the illative and locative coincide with the data of published works. However, additional values not identified in previous works were found: temporary semantics for the illative and translocative, onomasiative for the locative. Also, the locative has a static and dynamic value, which is typical for the Priuralsky (obdorsky) dialect, and the comitative, marked in the monument, is inherent in the Sredneobsky dialect. The personal pronoun declension system has forms corresponding to the markers of the Priuralsky, Shuryshkarsky, and middle Ob dialects. Thus, the monument concerned was found to have formal indicators typical for the Sherkal Sredneobsky and Nizyamsky dialects and some features inherent in the Priuralsky (obdorsky) dialect.

Keywords

Khanty language, a dialect, a monument of writing, the morphology of the noun

Acknowledgments

This research has been carried out as a part of RSF (grant no. 20-18-00403) Digital description of the dialects of the Uralic languages based on the analysis of big data

For citation

Moldanova I. M. Monument to the Khanty script of L. P. Vologodski “Matveĭ elta jemyń aĭkol-jastypsa” (1868): nominal morphology. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 1, pp. 144–165. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/78/11

Введение

В истории хантыйской письменности выделяется несколько этапов: первый этап – «миссионерский» (XVIII в. – 30-е гг. XX в.); второй этап – письменность на латинской основе (1931–1937 гг.); третий этап – современная письменность на основе кириллицы (с 1937 г.) [Кошкарева, 2013].

Насколько нам известно, ранее миссионерский этап хантыйской письменности лингвистами практически не был изучен. Первые сведения о хантыйском языке появляются в словниках, составленных европейскими путешественниками (они

представляют собой небольшие списки слов, иногда отдельные предложения) [Штейниц, 1937, с. 197; Хонти, 1993, с. 302], в 1840–1842 гг. священником Вологодским составлен большой словарь (около 8 000 слов) обдорского и березовского диалектов с переводами из Евангелия [Терешкин, 1967, с. 24; Караулов, 1976, с. 250]. Эти материалы были изданы венгерским лингвистом П. Хунфальви [Hunfalvy, 1869; Штейниц, 1937, с. 12] и служили ему для описания грамматики северохантыйского диалекта [Hunfalvy, 1875]. К материалам священника Вологодского обращались также А. Алквист¹ [Ahlqvist, 1880] и Й. Буденц [Buden, 1883].

Текст исследуемого памятника записан латиницей, в нем представлено 5355 слов. На титульном листе памятника отмечено, что «Евангелие от Матфея» на обдорский диалект перевел П. Вологодский, издан в Лондоне в 1868 г. Таким образом, на титульном листе указан обдорский диалект, но исследователи хантыйского языка [Терешкин, 1967, с. 24; Караулов, 1976, с. 250; Николаева, 1995, с. 3] отмечают, что словарь с переводами составлен на обдорском и березовском диалектах. Так, И. А. Николаева пишет, что «обдорский диалект Вологодского сам по себе является смешанной идиомой с ярко выраженными “березовскими” чертами (т. е. говор, еще более близкий к шурышкарскому диалекту, чем современный говор S²): наличием фонемы *ʃ*, наличием латива на *-a* наряду с локативом на *-na*, свойственным обдорскому диалекту, и т. д.» [Николаева, 1995, с. 9–10].

Некоторые сведения о миссионерской деятельности о. Луки³ Вологодского, переводившего отрывок «Евангелия от Матфея», содержатся в книге А. И. Сулоцкого «О сибирском духовенстве» [2000]. Священник Вологодский был родом из пазовского⁴, т. е. остяцкого, прихода, поэтому остяцкий язык он знал с детства [Там же, с. 794] и, как показывает анализ выполненного им перевода, хорошо им владел.

В данной статье представлены результаты корпусного анализа грамматических показателей имени существительного и парадигмы личных местоимений в сопоставлении с материалами по западным диалектам хантыйского языка, а также с памятником хантыйской письменности «Священная история» [Кашкин, 2019]. Сведения о графической системе данного памятника были рассмотрены в [Moldanova, Normanskaia⁵, 2018]. Глоссированный корпус памятника доступен онлайн⁶.

¹ Исследуемый памятник, вероятно, подготовлен к изданию А. Алквистом. В. Штейниц отмечает, что Евангелие от Матфея священника Вологодского было издано дважды – в 1868 и в 1880 гг. В 1880 г. опубликован переработанный вариант [Штейниц, 1937, с. 198]. Однако в путевых записях А. Алквист пишет: «Кроме того, я взялся издать для британского библейского общества перевод евангелия Матфея и Марка на этом диалекте» [Алквист, 1999, с. 129]. Здесь речь идет о кондинском диалекте мансийского языка. По всей видимости, А. Алквист там же издал Евангелие от Матфея священника Вологодского на обдорском диалекте.

² Усть-собский говор обдорского диалекта.

³ В книге А. И. Сулоцкого приводится имя священника Вологодского – Лука, на титульной странице памятника указано «П. Вологодский». Видимо, в памятнике допущена опечатка [Сулоцкий, 2000, с. 791–794].

⁴ Сведений об этом приходе обнаружить не удалось.

⁵ Автор благодарит руководителя проекта Ю. В. Норманскую за ценные комментарии и замечания.

⁶ В программе ELAN: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/914/4/perspective/914/7/view>; конкорданс <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1167/4/perspective/1167/5/view>.

1. Имя существительное

Имя существительное в хантыйском языке имеет грамматические категории числа, падежа и посессивности. Рассмотрим, как представлены в тексте изучаемого памятника маркеры данных категорий.

1.1. Число

В памятнике существительные встречаются в форме единственного, двойственного и множественного числа. Единственное число не имеет специального показателя.

Показатель множественного числа *-ət* в памятнике графически представлен как *-et*, например, *chadl-et-na* ‘днями’ (с. 3, строка 1), *vož-et* ‘города’ (с. 4, строка 6), *ñavyrem-et* ‘дети’ (с. 5, строка 16). Данный формант последовательно употребляется во всех существительных множественного числа (табл. 1).

Таблица 1

Показатель множественного числа в памятнике
и в западных диалектах хантыйского языка

Table 1

Plural index in the monument
and in Western dialects of the Khanty language

	Диалект (говор) и название издания				
	P. Wologodski «Евангелие от Матфея», 1868	сынский [Steinitz, 1939, S. 39]	шеркальский [Steinitz 1939, S. 214]	казымский [Штейниц, 1937, с. 205]	обдорский [Николаева, 1995, с. 81]
Суффикс	<i>-et</i>	<i>-ət</i>	<i>-ət</i>	<i>-et</i>	<i>-(ə)t-</i>

Примечание: мягкий знак используется для обозначения редуцированного гласного казымского диалекта [Штейниц, 1937, с. 201], это графический эквивалент знака ə.

Показателем двойственного числа является суффикс *-ñen* (в финно-угорской транскрипции *-ñen-*). В памятнике представлено только три примера с данным суффиксом: *rog-ñen* ‘мальчик-DU’ (с. 10, строка 21), *at-ñen pa chadl-ñen* ‘сутки-DU’ (с. 8, строка 2), а также в парном слове в сочетании с послелогом *ca* ‘с, вместе, совместно’, оформленным показателем двойственного числа: *jai-apsi-sa-ñen* ‘старший брат-младший брат-вместе-DU’ (с. 10, строка 18), подробнее см. пример (9).

Правила использования показателей двойственного числа в диалектах хантыйского языка достаточно сложны. Как отмечает М. А. Сидорова [2016, с. 261], в случае референции к двум объектам возможно употребление как формы двойственного числа, так и количественной конструкции с числительным *kāt* ‘два’. Однако в восточных диалектах хантыйского языка [Чепреги, 2017, с. 101; Терешкин, 1961, с. 59] в сочетаниях с числительным *kat* ‘два’ имя существительное может принимать форму двойственного числа.

В частности, в одном из западных говоров хантыйского языка – тегинском конструкция «*kāt* ‘два’ + форма двойственного числа» возможна в следующих случаях: 1) если между числительным и существительным находится личное местоимение (в атрибутивной функции) или же последовательность из более чем

одного зависимого от этого существительного; 2) если числовой показатель служит дополнительным средством дискурсивного выделения количественной группы [Шматова, 2010, с. 184; Сидорова, 2016].

Аналогичный пример зафиксирован и в рассматриваемой книге:

- (1) *Tolta* *sagat* *jel-šik* *pit-m-al*
оттуда когда дальше-CMPR статья-PFV.ПТСР-3SG
lat-na *kazala-s* *pa* *kad i jy*
время-LOC увидеть-PST другой два один родной
rog-ñen...
мальчик-DU

‘Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев...’ (с. 10, строка 21).

В сборнике «Өхэт йухан арэн ими» [Каксина (сост.), 2014] на казымском диалекте мы обнаружили четыре примера с конструкцией «*kāt* ‘два’ + форма двойственного числа», ср. (2), (3); видимо, такие конструкции используются реже, чем формы дуалиса.

- (2) *Kāt* *χālew-ñan* *ji-s-ñan* *pa* *šiwī* *lat-s-əñan*,
два чайка-DU прийти-PST-3DU и туда сесть-PST-3DU
pa *ši* *ñāχ-λ-əñan*, *ši* *ñāχ-λ-əñan*
и всё смеяться-NPST-3DU всё смеяться-NPST-3DU
‘Две чайки прилетели и туда сели, и все смеются и смеются’ [Каксина (сост.), 2014, с. 72].

- (3) *Liw* *in* *im-en*, *kāt*
она эта женщина-POSS.2SG два
ñawrem-ije-ñan *tāj-əλ*, *ewe-ñan-rōχ-ñan*
ребенок-DIM-DU иметь-NPST дочка-DU-сын-DU
‘У нее, у этой женщины, двое детей – дочка и сын’ [Каксина (сост.), 2014, с. 51].

В остальных пяти примерах исследуемого памятника существительные с числительным *kāt* ‘два’ употребляются без зависимых слов и не имеют показателей числа:

- (4) *Kad* *siški* *tynyša-l-et* *i* *aĩ*
Два воробей продать-NPST-3PL один маленький
sel *voch* *sagat, i* *než* *it* *tu*
серебро монета за и даже один земля
ochtyj-a *an* *pid-l* *nep* *torym* *az-en*
на-ILL не падать-NPST вы небо отец-POSS.2DU
kaž *takla*
желание без
‘Не две ли малые птицы продаются за ассарии? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего’ (с. 35, строка 29).

- (5) *Nemchojat* *an* *pus-l* *lužid-ta* *kad*
никто не мочь-NPST служить-IPFV.ПТСР два
jor-a
господин-ILL
‘Никто не может служить двум господам’ (с. 19, строка 24).

В данном случае, видимо, подчеркивается количество – именно два предмета.

В казымском диалекте при помощи числительного *kāt* 'два' выражается количество субъектов, производящих действие одновременно (6), либо описываемое событие происходит с разрывом во времени (7).

- (6) *Śi jis-ən wəŋ-wəŋ wəltəp-ət*
 это век-LOC большой-большой рубанок-PL
wə-s-ət kāt neŋ-ən katəλ-man
 быть-PST-3PL два женщина-LOC держать-CVB
wəλ-λ-əw
 тесать-NPST-1PL
 'Тогда большие-большие рубанки были, вдвоем (букв.: две женщины) держась, мы тесали' [Каксина (сост.), 2014, с. 9].
- (7) *Aiŋw kāt nāwrem wūš-a jəχtə-s, in*
 она два ребенок до-DAT прийти-PST это
neŋ-ij-en
 женщина-DIM-POSS.2SG
 'У нее уже двое детей, у этой женщины' [Каксина (сост.), 2014, с. 26].

В примере (8) представлена количественная конструкция с числительным *nāl* *jaŋ* 'сорок' и существительными в двойственном числе. В данном случае существительные *at-nēn pa chadl-nēn* переводятся как 'сутки', ср. в словаре [Терешкин, 1981, с. 91] в ваховском диалекте парное слово *jəjəŋ-kotlən* 'сутки (букв.: ночь-день)'.⁷

- (8) *Neljaŋ at-nēn pa chadl-nēn ušltyj-im*
 сорок ночь-DU и день-DU поститься-PFV.PTCP
jubi-na jugot li-ta laŋmat-s
 после-LOC потом кушать-IPFV.PTCP хотеть-PST
 'И постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал' (с. 8, строка 2).

В примере (8) отражается типичное для хантыйского языка употребление формы двойственного числа, которую принимают оба компонента в составе парного слова [Шиянова, 2015, с. 74–76]. Семантика конструкции не подразумевает «двойственность» в прямом значении этого слова, речь идет не о «двух ночах» и «двух днях», а о «сутках» как едином целом. Показатель двойственного числа указывает на бинарность, двусторонность самого явления.

В предложении (9) парное слово *jai-apsi-sa-nēn* 'старший брат-младший брат-вместе-DU' в сочетании с послелогом *sa* выражает идею совместности, парности. На современном этапе послелог *saŋən* 'вместе.DU' мыслится как единое целое⁷. Числительное *kāt* 'два' в данном случае усиливает значение «двойственности» субъектов, ср. в казымском диалекте (3).

- (9) *Chalilei śaras lep šoš-t-al sagat*
 Галилейский море около шагать-IPFV.PTCP-3SG когда
lu kazala-s kad jaj-apsi-sa-nēn,
 он увидеть-PST два старший брат-младший брат-вместе-DU,
Simon Petyr-a Nemyd-t-ot pa
 Симон Петр-ILL Назвать-IPFV.PTCP-предмет и

⁷ Данный послелог употребляется только для обозначения двух людей.

Andreï lu aps-el

Андрей он младший брат-POSS.3SG

‘Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его...’ (с. 10, строка 18).

В памятнике письменности «Священная история» [Кашкин, 2019] имеется только один пример с формой двойственного числа, при этом количественные конструкции с числительным *kāt* ‘два’ довольно частотны.

Таким образом, в памятнике Вологодского, в отличие от «Священной истории» Егорова, представлены типичные для хантыйского языка способы выражения двойственного числа: формы с показателем дуалиса, количественные конструкции с числительным *kāt* ‘два’, а также конструкция с числительным *kāt* ‘два’ и послелогом с показателем двойственного числа. В составе парных слов показатель двойственного числа принимают оба компонента, что подчеркивает их единство, нераздельность. Отличительной особенностью перевода Вологодского является адекватное употребление форм двойственного числа даже в таких специфических хантыйских конструкциях, в которых показатели дуалиса указывают на совместность осуществления действия или нераздельность той или иной би-нарно устроенной сущности.

1.2. Падеж

В западных диалектах (говорах) исследователи выделяют следующие падежи: (С) номинатив, латив, локатив; (шер.) номинатив, латив, локатив [Steinitz, 1939]; (каз.) основной, дательно-направительный, местно-творительный [Штейниц, 1937]; (шур.) номинатив, локатив, латив [Rédei, 1965]; (Ni. Šer.) номинатив, латив-датель, локатив [Honti, 1986, p. 60]; (О) номинатив, локатив, транслатив [Николаева, 1995]; (каз.) номинатив / аккузатив / генитив, датель / иллатив, инессив / инструктив [Каксин, 2007, с. 59]; (шур.) основной, дательно-направительный, местно-творительный [ДСХЯ, 2011, с. 168] (табл. 2).

В исследуемом памятнике мы выделяем три падежа: номинатив (NOM), иллатив (ILL), локатив (LOC). Падежные суффиксы представлены в табл. 3.

Падежные показатели памятника совпадают с данными шеркальского и низямского диалектов [Steinitz, 1939, S. 214; Honti, 1986, p. 60]. В. Штейниц включал шеркальский диалект в северную диалектную группу, но отмечал в нем черты сходства в области падежной системы с соседним (южным) диалектом.

Однако между шеркальским диалектом и идиомом, представленным в книге, есть существенное различие: шеркальский диалект считается *t*-овым, а в памятнике представлена графема *l*, ср. *li-ta* ‘кушать’ (с. 8, строка 2). В. Штейниц отмечает, что разница между северным и восточным *l*, с одной стороны, и южным *t*, с другой стороны, – недавнего происхождения. Процесс перехода *l* в *t* начался около 200 лет назад в иртышско-кондинском диалекте, распространяясь постепенно к северу (и востоку). В атлымском и кеушинском диалектах еще около ста лет назад произносили звук *l*. Сейчас этим процессом перехода *l* в *t* охвачены даже соседние диалекты северной и восточной групп: шеркальский и салымский [Штейниц, 1937, с. 196]. В статье Т. В. Тимкина, посвященной анализу графической системы словаря А. М. Шегрена, также отмечается отсутствие черт *t*-диалекта в салымских материалах, вероятно, в словаре зафиксирован процесс перехода *l*-диалекта в *t*-диалект, что соответствует исторической диалектологии хантыйского языка [Тимкин, 2019].

Таблица 2

Падежные показатели существительных в западных диалектах

Table 2

Case indicators of nouns in Western dialects

Показатель	Диалект (говор) и издание							
	сынский [Steinitz, 1939, S. 39]	шеркальский [Steinitz, 1939, S. 214]	казымский [Штейниц, 1937, с. 206]	шурышкарский (с. Мужа) [Rédei, 1965, p. 36]	Ni. Šer. [Honti, 1986, p. 60]	обдорский [Николаева, 1995, с. 82-84]	казымский [Каксин, 2007, с. 59]	шурышкарский [ДСХЯ, 2011, с. 168]
LAT/DAT/ILL	-a	-a	-a	-a	-a	—	-a	-a
LOC	-ən, -n̥	-na	-n	-n, -ən	-na	-na	-n/-ən/-an *	-ən
TRANS	—	—	—	—	—	-i	—	-i

* Здесь наблюдается графический разнбой; об обозначении редуцированного гласного [ə] см. [Кошкарева, 2013].

Таблица 3

Падежные суффиксы имен существительных

Table 3

Case suffixes of nouns

Название падежа	Обозначение в глоссах	Суффиксы
Номинатив	—	—
Иллатив	ILL	-a *
Локатив	LOC	-na

* Также зафиксирован показатель иллатива -e, встретился один пример: *at-uj-e* (ночь-DIM-ILL) (с. 5, строка 14). Кроме этого, представлен один пример с транслативом -i: *kuža-i* (хозяин-TRANS) (с. 35, строка 25).

1.2.1. Номинатив

Номинатив специального маркера не имеет. В памятнике номинатив обозначает агенса (11), субъекта (12), пациенса (13), атрибут (14) и предикат (15), а также используется при послелогох (11). Все данные значения соответствуют грамматическим стандартам хантыйского языка.

- (11) *Olym elta noch rakyn-m-al-na Osip*
Сон от вверх встать-PFV.ПТСР-3SG-LOC **Осип**
very-s sidy
 делать-PST так
 ‘Встав от сна, Иосиф поступил так...’ (с. 3, строка 24).

- (12) *Avram tai-s Isak...*
Авраам иметь-PST **Исаак**
 ‘Авраам родил Исаака...’ (с. 1, строка 2).

- (13) *Lu kily-s, navyrem pa lu ańke-l*
Он встать-PST **ребенок** и он **мать**-POSS.3SG
vu-s atyj-e, pa Jegipet tu-a
 взять-PST ночь-ILL и Египет земля-ILL
tan-s
 идти-PST
 ‘Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошел в Египет’ (с. 5, строка 14).

- (14) *Nen mu sol jukana ul-l-eta.*
Вы **земля** **соль** вместо **быть**-NPST-2PL
 ‘Вы – соль земли’ (с. 12, строка 13).

- (15) *Siršna lu chož-a jogot-s*
Тогда он к-ILL **прийти**-PST
chuś-t-ot, i jasta-s: chun
 подстрекать-IPFV.ПТСР-предмет и сказать-PST **когда**
nyń torym pog, jast-a, tam kev-et
ты **Бог** **сын** сказать-IMP **это** **камень**-PL
ńañ-a at ver-sa-l-et.
 хлеб-ILL пусть сделать-DETR-NPST-3PL
 ‘И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами’ (с. 8, строка 3).

3.2.2. Иллатив

В исследуемом памятнике значение конечной точки (иллатив) представлено наибольшим количеством примеров (16).

- (16) *Vavilon vož-a kasl-ym*
Вавилон город-ILL **переселиться**-PFV.ПТСР
jubi-na Jechon tai-s Salafil,
 позади-LOC **Ехон** иметь-PST **Салафил,**
Salafil tai-s Sorovavel;
Салафил иметь-PST **Зоровавел**
 ‘По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафилия; Салафииль родил Зоровавеля’ (с. 2, строка 12).

Также иллатив используется для передачи значения адресата (17), транслатива (18), ономасиатива (19).

- (17) *Pa sidy-ke poikś-a-t lant-char*
 И так-если умолять-IMP-2PL мука-место
jor-a, at kid-l evyd-ta
 господин-ILL пусть отправить-NPST резать-IPFV.PTSP
jach lu lant-char-el ochtyj-a
 люди он ягель-место-POSS.3SG на-ILL
 ‘Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою’
 (с. 31, строка 38).

- (18) *Siršna lu chož-a jogot-s*
 Тогда он к-ILL прийти-PST
chuś-t-ot, i jasta-s: chun
 подстрекать-IPFV.PTSP-предмет и сказать-PST когда
nyñ torym pog, jast-a, tam kev-et
 ты Бог сын сказать-IMP это камень-PL
ñañ-a at ver-śa-l-et.
 хлеб-ILL пусть сделать-DETR-NPST-3PL
 ‘И приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами’ (с. 8, строка 3).

- (19) *Pilip pa Varfolomei, Toma pa Matvei,*
 Филипп и Варфоломей Фома и Матвей
akt-ypsa akyd-ta cho; Jakop,
 собирать-NMN собирать-IPFV.PTSP мужчина Яков
Alfei pog, pa Levvei, Taddej-a
 Алфей сын и Леввей Таддей-ILL
nemt-ym-ot;
 назвать-PRFV.PTSP-предмет
 ‘Филипп и Варфоломей, Фома и Матвей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем’ (с. 32, строка 3).

Обнаружен также единственный пример (20), в котором существительное со значением ‘ночь’ оформлено показателем *-e*, материально отличающимся от лативных суффиксов *-a* и *-i*, представленных на синхронном срезе в разных диалектах хантыйского языка.

- (20) *Lu kily-s, ñavyrem pa lu*
 он встал-PST ребенок и он
añk-el vy-s at-yj-e, pa Jegipet
 мать-POSS.3SG взять-PST ночь-DIM-ILL и Египет
tu-a man-s
 земля-ILL идти-PST
 ‘Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошел в Египет’ (с. 5, строка 14).

В описании хантыйских диалектов А. М. Кастрена отмечается, что дательный падеж в остяцком языке оканчивается на *a* (*e*) [Кастрен, 1849, с. 37], поэтому можно предположить здесь рефлексы утраченной или видоизменившейся формы. Однако ни для одного из северохантыйских диалектов для лативных падежей не отмечена временная функция. При этом в сургутском диалекте направительный

падеж может выражать временной предел, до которого длится определенное действие [Чепреги, 2017, с. 88]. Соответственно, в предложении (20) возможна трактовка данной формы как темпорального дименсива: взял на ночь / к ночи.

Значение иллатива в тексте «*Matvei elta jemyñ aïkol-jastypsa*» в целом соответствует описаниям падежной системы западных диалектов по [Rédei, 1965; Лыскова, 2003; Мырина, 2006] и др. (табл. 4). Однако пример с временной семантикой в современных работах не представлен. Формант *-a (-e)* зафиксирован только в старых источниках на иртышском наречии, значение временного предела отмечается в сургутском диалекте у направительного падежа. При этом в памятнике «Священная история» [Кашкин, 2019] за падежом на *-a* зафиксированы только две функции – иллативная и транслативная.

1.2.3. Локатив

В памятнике локативный падеж оформляется показателем *-na*⁸. Данный падеж является полифункциональным.

Локатив выражает семантику нахождения в пространстве (21), а также семантическую роль конечной точки (22).

- (21) Sy *Ram-na* *śas-l,* *choll-ypsa* *i*
Звук Рама-LOC слышаться-NPST плакать-ATTR и
sel-ypsa *pa* *šeñik* *numbi* *sel-u;*
рыдать-ATTR и очень вверх вопль-POSS.1PL
Rachil *cholla-l* *lu*
Рахиль плакать-NPST он
evi-poch-l-al *olyn* *pel-a,* *pa* *an*
девочка-мальчик-PL-POSS.3SG/3PL о к-ILL и не
lid-l *volyji-ta,* *chun* *ly*
хотеть-NPST успокоиться-IPFV.PTCP когда они
antom-et
нет-PL
‘Глас в Ра́ме слы́шен, плач и рыда́ние и о́чень вели́кий вопль; Рахиль пла́чет о де́тях сво́их и не хо́чет утешиться, и́бо их не́т’ (с. 5, строка 18).
- (22) *Chun* *lu* *jogot-s* *chot-na,* *sirśna* *śušema-s-et*
Когда он пришел-PST дом-LOC тогда шагать-PST-3PL
lu *chož-a* *si* *sem-l-et*
он к-ILL это глаз-CAR-PL
‘Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему’ (с. 30, строка 28).

В работе И. А. Николаевой отмечается, что в приуральском диалекте локатив обозначает и статические, и динамические пространственные отношения [Николаева, 1995, с. 82].

⁸ Необходимо отметить, что в казымском диалекте также встречаются существительные с показателем *-na*, например, в фольклорных формулах: *Xənti xətəl pərajən akañ wenşəp Naj Təram tıwtjən, akañ wenşəp Wərt Təram tıwtjən, kāt sīŋpi sīŋəŋ oğəl-na at werləjən* ‘Когда-нибудь, когда появятся с кукольным лицом женские божества, когда появятся с мужским лицом мужские божества, пусть тебе сделают нарту с двухсторонними передками’ [Каксина (сост.), 2014, с. 40]; по нашему мнению, в песенном фольклоре также представлен данный показатель: *Ewtəm xəñşap jām sūx-na* ‘В красивом орнаментированном сахе’ [Там же, с. 74].

Таблица 4

Illative functions in the Khanty language (Western dialects)

[illegible]

Кроме значения места действия и пункта назначения, локатив кодирует и другие значения: времени (23), инструмента и средства (24), агенса в пассивной конструкции (25), образа действия / способа (26).

- (23) *Si chadl-et-na Ivan, torym pernej-a*
 это день-PL-LOC Иван небо крест-ILL
loñ-ylt-ym iki, jogot-s pa
 завести-CAUS-PFV.PTCP мужчина прийти-PST и
symylta-ta pit-s tal Iudei tu-na
 звучать-IPFV.PTCP статья-PST пустой Иудей земля-LOC
 ‘В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской’ (с. 6, строка 1).

- (24) *Toda choll-ypsa pa peñk-na serkem-apsa*
 там плакать-NMN и зуб-LOC скрежетать-NMN
ji-l
 статья-NPST
 ‘Там будет плач и скрежет зубов’ (с. 25, строка 12).

- (25) *...no nuñ turum az-en-na at*
 ...но ваш Бог отец-POSS.2SG-LOC пусть
uś-l-a
 видеть-PST-PASS.3SG
 ‘...и Отец твой, видящий тайное’ (с. 18, строка 18).

- (26) *Chus lolimt-ym kažal-am-na ly*
 Звезда встать-PFV.PTCP увидеть-PFV.PTCP-LOC они
amyt-s-et šeñk un amdyp-na
 обрадоваться-PST-3PL очень большой радость-LOC
 ‘Увидев же звезду, они обрадовались очень большой радостью’ (с. 4, строка 10).

В рассматриваемом памятнике зафиксирован один пример с транслативной семантикой (27). В описаниях падежной системы западных диалектов [Rédei, 1965, р. 38–39; Николаева, 1995, с. 82–83; Ядобчева-Дресвянина, 2004, с. 44–45; Мырина, 2006, с. 89–110; Каксин, 2007, с. 60] для локатива данное значение не зафиксировано.

- (27) *Jasta-l ly-el-a: man-a-ty ma*
 Говорить-NPST они-3PL-DAT идти-IMP-2PL я
jub-em, ma ny-yl-an ver-l-em
 за-POSS.1SG я вы-PL-2DU/PL делать-NPST-1SG
channechoj-et torym mudra-na veltasla-ta
 человек-PL небо мудрый-LOC ловить-IPFV.PTCP
jach-na
 люди-LOC
 ‘И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков’ (с. 10, строка 19).

Н. А. Лыскова выделяет в обско-угорских языках еще одну семантическую роль – ономасиатив, который получает реальное воплощение как глубинный падеж для обозначения клички, прозвища. Автор отмечает, что ономасиатив в хантыйском языке выражается лативом-дативом [Лыскова, 2003, с. 161]. Однако

в памятнике зафиксирован один пример употребления ономасиатива с показателем локатива (28). Конструкции с показателем ономасиатива на *-a* (19) и *-na* (28) требуют особого комментария. Священник очень точно, с помощью грамматических средств, передает значения «прозванный» и «названный». В примере (19) конструкция «Леввей, прозванный Фаддеем» выражается с помощью показателя иллатива *-a*; в (28) – конструкция «Симон, называемый Петром» маркируется с помощью показателя локатива *-na*. Это еще раз подтверждает то, что историки писали про о. Луку Вологодского: «живой, деятельный человек и вдобавок владевший остяцким языком» [История..., 1906, с. 8].

(28) <i>Si</i>	<i>kadchošjañ</i>	<i>kit-ym</i>	<i>jach</i>	
Это	двенадцать	отправить-PFV.PTCP	люди	
<i>nem-l-al</i>		<i>u-s-et</i>	<i>simiś-et:</i>	
имя-PL-POSS.3SG/3PL		быть-PST-3PL	такой-PL	
<i>olyñ-ot</i>		<i>Simon,</i>	<i>Petr-na</i>	
первый-предмет		Симон,	Петр-LOC	
<i>nemt-ym-ot,</i>		<i>pa</i>	<i>Andreï</i>	<i>lu</i>
назвать-PFV.PTCP-предмет		и	Андрей	он
<i>aps-el</i>				
младший брат-POSS.3SG				
‘Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его...’ (с. 32, строка 2).				

Итак, значения локатива соответствуют описаниям семантики падежа в западных диалектах, однако значения транслатива и ономасиатива не зафиксированы в современных работах (табл. 5). Очевидно, это связано со спецификой приуральского диалекта, в котором в рамках одного падежа совмещаются значения местонахождения и направления к конечной точке, на основе которых формируются метафорические переносы статического и динамического характера. Соответственно, анализируемый текст отражает типологически значимые характеристики приуральского диалекта.

Что касается памятника «Священная история», то в нем также представлены основные значения, описанные в опубликованных работах по хантыйскому языку, и отмечено значение транслатива. Но значение ономасиатива в нем не зафиксировано.

Таким образом, анализ текста памятника выявил значения, которые в предшествующих описаниях хантыйского языка не зафиксированы, – это значение временной функции для иллатива и транслатив, ономасиатив для локатива. Значение временной функции передается неясным формантом *-e*, подобный вариант отмечен в иртышском наречии [Кастрен, 1849, с. 37]. Встретился один пример с маркером транслатива *-i*. Для локатива представлено значение местонахождения и значение конечной точки, которое характерно для приуральского диалекта (см. [Николаева, 1995, с. 82–84]).

1.3. Посессивность

В табл. 6 перечислены лично-притяжательные суффиксы, встретившиеся в памятнике.

Система лично-притяжательных суффиксов совпадает с описанием западных хантыйских диалектов [Rédei, 1965, р. 39; Николаева, 1995, с. 86–87; Каксин, 2007, с. 61]. Отклонение в памятнике зафиксировано для показателя *-l-au*,

Функции локатива в хантыйском языке (западные диалекты)

The functions of the locative in the Khanty language (Western dialects)

[illegible]

ср.: *-luw* [Rédei, 1965, p. 39] *-l-uw* [Николаева, 1995, с. 86–87], *-l-йw* [Каксин, 2007, с. 61], *=l=əw* [ДСХЯ, 2011, с. 171]. По всей видимости, обозначение гласного при помощи буквы *a* свидетельствует о том, что в суффиксе представлен редуцированный *ə*, а не «у»-образный звук, огубление которого позиционно возникает под влиянием соседнего губно-губного согласного.

Таблица 6

Таблица лично-притяжательных суффиксов

Table 6

Table of personal-possessive suffixes

Обладатель	Обладаемое		
	одно	два	много
Один			
1 л.	-em	не зафиксировано	-l-am
2 л.	-n, -en		-l-an
3 л.	-l, -el		-l-al
Два			
1 л.	не зафиксировано	не зафиксировано	не зафиксировано
2 л.			
3 л.			
Много			
1 л.	-eu	не зафиксировано	-l-au (три словоформы)
2 л.	-en		-l-an
3 л.	-el		-l-al

2. Личные местоимения

Система склонения личных местоимений представлена в табл. 7. Если местоимение отсутствует, в таблице стоит прочерк. В тексте памятника мы выявили формы номинатива и датива-аккузатива, что частично соответствует формам приуральского и шурышкарского диалектов [Ядобчева-Дресвянина, 2004, с. 61; ДСХЯ, 2011, с. 167]. Форма 2-го л. мн. ч. *nen* [Buden, 1883] отличается от современных данных гласным; ср. *нын*, *nīn* [Ядобчева-Дресвянина, 2004, с. 61; ДСХЯ, 2011, с. 167].

Представлена также форма 2-го л. мн. ч. предмета обладания *nyñ-yl-an* / *nyñ-yl-ana* [Das Evangelium Matthái..., 1868], она совпадает с формой 2-го л. мн. ч. предмета *нанг-ыт-ан* в таблице притяжательных местоимений среднеобского диалекта, если не учитывать фонетические расхождения [Животиков, 1942, с. 70], а также с формой 2-го л. дв. ч. датива / аккузатива *нау-ил-ан* в приуральском диалекте [Ядобчева-Дресвянина, 2004, с. 61]. В казымском диалекте представлена притяжательная форма 2-го л. мн. ч. *nin-i-l-an* ‘ваш мн.’ [Каксин, 2007, с. 66].

Таблица 7

Личные местоимения в памятнике

Table 7

Personal pronouns in the monument

Число	Лицо	Падеж		
		Номинатив	Датив	Аккузатив
Единственное	1	ma	man-em	man-em-a
	2	nyñ	nyñ-en	nyñ-en-a
	3	lu	lu-el	lu-el-a
Двойственное	1	–	–	–
	2	–	–	–
	3	lyn	–	–
Множественное	1	muñ	muñ-eu	–
	2	nen	–	–
	3	ly	ly-el	ly-el-a

- (29) A *choda* **nen** *simiś* *jemyñ* *taz-en*
 а где вы такой священный богатство-POSS.2SG
ul-l, *toda* *i* *nen* *sam-en*
 быть-NPST там и вы сердце-POSS.2SG
ul-ta *pid-l*
 быть-IPFV.PTCP стать-NPST
 ‘Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше’ (с. 18, строка 21).

- (30) *Chury-man* *u-l-at* *channechoj-et* *elta*
 остерегаться-CVB быть-NPST-2PL человек-PL от
ly **nyñ-yl-an** *sud-a* *ma-ta*
 они вы-PL-2DU/PL суд-ILL дать-IPFV.PTCP
pid-l-et, *pa* *ly* *poikša-ta*
 стать-NPST-3PL и они молиться-IPFV.PTCP
chot-l-al-na *nyñ-yl-an*
 дом-PL-POSS.3SG/3PL-LOC вы-PL-2DU/PL
señk-ta *pid-l-et*
 бить-IPFV.PTCP стать-NPST -3PL
 ‘Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в си-
 нагогах своих будут бить вас’ (с. 34, строка 17).

Заключение

Анализ именной морфологии памятника хантыйской письменности «Matveï elta jemyñ aïkol-jastypsa» («От Матфея священные вести-сказания») позволил выявить следующие особенности:

- в категории числа имени существительного не зафиксировано существенных отклонений, представлены формы двойственного и множественного числа; в тексте употребляются специфические хантыйские конструкции с формой двойственного числа, что показывает грамматичность используемых форм;

- падежные показатели исследуемого памятника совпадают с данными шеркальского, низянского и частично приуральского диалектов (отмечены также в фольклорных формулах и песенном фольклоре казымского диалекта);
- значения иллатива соответствуют описаниям падежной системы западных диалектов, дополнительно зафиксировано временное значение с неясным формантом *-e*, не представленное в современных работах, однако данный маркер упоминается в иртышском наречии в работе М. Кастрена;
- значения локатива совпадают с данными опубликованных работ, однако в исследуемом памятнике зафиксированы транслатив и ономасиатив, не отмеченные в других работах (значение транслатива выявлено только в памятнике «Священная история»); локатив имеет статическое и динамическое значение, что характерно для приуральского диалекта;
- в тексте выявлен один пример с маркером транслатива *-i*;
- система склонения личных местоимений частично соответствует формам приуральского, шурышкарского и среднеобского диалектов.

Таким образом, в исследуемом памятнике находят выражение черты, свойственные в большой степени приуральскому диалекту. В тексте зафиксированы единичные примеры для транслатива *-i* и темпоратива с затемненным маркером *-e*; однако значения статического и динамического локатива, выраженные в показателе *-на*, отражают типологически значимые признаки приуральского диалекта; в категории числа представлены конструкции, типичные для хантыйского языка, что указывает на знание хантыйского языка переводчиком. Представляется, что дальнейшая работа по исследованию глагольной морфологии памятника внесет больше ясности о диалектной принадлежности памятника.

Список сокращений

С – сынский говор шурышкарского диалекта; шер. – шеркальский диалект; шур. – шурышкарский диалект; О – обдорский диалект; каз. – казымский диалект.
1, 2, 3 – 1, 2, 3-е лицо; ATTR – атрибутивизатор; CAR – каритив; CAUS – каузатив; CVB – конверб; CMPR – сравнительная степень; DAT – датив; DETR – детранзитивизатор; DIM – уменьшительность; DU – дуалис; ILL – иллатив; IMP – императив; IPFV.PTCP – имперфективное причастие; LOC – локатив; NOM – номинатив; NMN – номинализация; NPST – непрошедшее время; PFV.PTCP – перфективное причастие; PL – множественное число; POSS – посессивность; PST – прошедшее время; SG – единственное число; TRANS – транслатив.

Список литературы

- Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.
- ДСХЯ – Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / Под ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
- Животиков П. К. Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект) / Под ред. Ю. Н. Русской. Ханты-Мансийск, 1942. 118 с.
- История Обдорской духовной миссии (1854–1904 гг.) / Сост. Иеромонах Иринарх. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1906. 188 с.

- Каксин А. Д.* Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 134 с.
- Кастрен А. М.* Опыт перевода остяцкой грамматики с кратким словарем. СПб.: 1849. 125 с.
- Караулов Ю. Н.* Хантыйский язык // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М.: Наука, 1976. С. 239–253.
- Кашкин Е. В.* Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2019. № 2 (33). С. 22–37.
- Кошкарёва Н. Б.* Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013. № 3 (14). С. 47–78.
- Лыскова Н. А.* Семантика падежа в обско-угорских языках. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2003. 248 с.
- Мырмина Д. Ф.* Категория падежа в диалектах хантыйского языка (сопоставительный аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 168 с.
- Николаева И. А.* Обдорский диалект хантыйского языка. М.: Гамбург, 1995. 256 с.
- Өхэт йухан арэң ими. Поющая женщина из Эхт Югана / Сост. Е. Д. Каксина. Тюмень: Формат, 2014. 128 с.
- Сидорова М. А.* Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы междунар. конф. / Ред. Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко. М., 2016. Вып. 3 С. 260–272.
- Сулоцкий А. И.* Соч.: В 3 т. / Под ред. В. А. Чупина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 2: О сибирском духовенстве. 416 с.
- Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Ваховский диалект. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Ч. 1. 204 с.
- Терешкин Н. И.* Хантыйский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. Т. 3: Финно-угорские и самодийские языки. С. 319–342.
- Терешкин Н. И.* Ваховский диалект хантыйского языка (фонетика и морфология): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967. 221 с.
- Терешкин Н. И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.
- Тимкин Т. В.* Отражение консонантизма салымского диалекта хантыйского языка в графической системе словаря А. М. Шегрена // Урало-алтайские исследования. 2019. № 4 (35). С. 107–118.
- Хонти Л.* Хантыйский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. 398 с.
- Чепреги М.* Сургутский диалект хантыйского языка / Под ред. Н. Б. Кошкарёвой. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2017. 275 с.
- Шиянова А. А.* Парные слова хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта): Монография. Тюмень: Формат, 2015. 156 с.
- Шматова М. С.* Конструкции «Числительное – существительное» в хантыйском языке: случаи маркирования существительного показателем числа (на материале тегинского говора хантыйского языка) // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингвист. исследований. 2010. Т. 6. С. 181–185.
- Штейниц В. К.* Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. М., 1937. Ч. 1. С. 193–227.

Ядобчева-Дресвянина В. Я. Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка: Дис ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 193 с.

Ahlqvist A. Über die Sprache der Nord-Ostjaken. Sprachtexte, Wörtersammlung und Grammatik. Helsingfors, 1880. 195 p.

Budenz J. Osztyák mondatok Vologodski orosz-osztyák szótárából // Nyelvtudományi Közlemények 17. Budapest, 1883. Old. 161–189.

Das Evangelium Matthái in den Dialect der obdorsischen Ostjaken übersetzt von P. Wologodski. London, 1868. 36 p.

Hunfalvy P. Osztyák Evangelium's az északi osztyák nyelv – Nyk, 7. Budapest, 1869. Old. 403–419.

Hunfalvy P. Az északi osztyák nyelv – Nyk, 11. Budapest, 1875.

Honti L. Chrestomathia Ostiacica. Budapest, 1886. 285 p.

Moldanova I., Normanskaia Ju. The Graphical Features of the first texts in the Khanty language // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM, 2018. Vol. 5, 3.1. P. 197–204.

Rédei K. Northern ostyak Chrestomathy. Bloomington: Indiana University, 1965, 132 p.

Steinitz W. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. Teil 1. Tartu, 1939. 460 S.

References

Alkvist A. *Sredi khantov i mansi. Putevye zapisi i etnograficheskie zametki* [Among the Khanty and Mansi. Travel notes and ethnographic notes]. N. V. Lukina (Transl. from German, Publ.). Tomsk, TSU Publ., 1999, 179 p.

Ahlqvist A. *Über die Sprache der Nord-Ostjaken. Sprachtexte, Wörtersammlung und Grammatik*. Helsingfors, 1880, 195 p.

Budenz J. Osztyák mondatok Vologodski orosz-osztyák szótárából. *Nyelvtudományi Közlemények* 17. Budapest, 1883, Old, pp. 161–189.

Chepregi M. *Surgutskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Surgut dialect of the Khanty language]. N. B. Koshkareva (Ed.). Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2017, 275 p.

Das Evangelium Matthái in den Dialect der obdorsischen Ostjaken übersetzt von P. Wologodski. London, 1868, 36 p.

Dialektologicheskij slovar' khantyyskogo yazyka (shuryshkarskiy i priural'skiy dialekty) [Dialectological dictionary of the Khanty dictionary (Shuryshkarsky and Priuralsky dialects)]. N. B. Koshkareva (Ed.). Ekaterinburg, Basko, 2011, 208 p.

Honti L. *Chrestomathia Ostiacica*. Budapest, 1886, 285 p.

Hunfalvy P. *Osztyák Evangelium's az északi osztyák nyelv* – Nyk, 7. Budapest, 1869, Old, pp. 403–419.

Hunfalvy P. *Az északi osztyák nyelv* – Nyk, 11. Budapest, 1875.

Istoriya Obdorskoy dukhovnoy missii (1854–1904 gg.) Sost. Ieromonakh Irinarkh [History of the obdorsky ecclesiastical mission (1854–1904)]. Hieromonk Irinarnir (Comp.) Moscow, Pechatnya A. I. Snegirevoy, 1906, 188 p.

Kaksin A. D. *Kazymskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Kazym dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk, Poligrafist, 2007, 134 p.

Kastren A. M. *Opyt perevoda ostyatskoy grammatiki s kratkim slovarem* [Experience in translating Ostyak grammar with a short dictionary]. St. Petersburg, 1849, 125 p.

Karaulov Yu. N. Khantyyskiy yazyk [Khanty language]. In: *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya (mariyskiy, permskie i ugorskie yazyki)* [The foundations of Finno-Ugric linguistics (Mari, Permian and Ugric languages)]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 239–253.

Kashkin E. V. Pamyatnik khantyyskoy pis'mennosti "Svyashchennaya istoriya" (Tobol'sk, 1900): imennaya morfologiya [Monument of the Khanty script "Sacred history" (Tobolsk, 1900): nominal morphology]. *Ural-Altaic Studies*. 2019, no. 2 (33), pp. 22–37.

Khonti L. Khantyyskiy yazyk [Khanty language]. In: *Yazyki mira: Ural'skie yazyki* [Languages of the world: Uralic languages]. Moscow, Nauka, 1993, 398 p.

Koshkareva N. B. Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya khantyyskoy grafiki i orfografii [Topical issues of improvement of the Khanty graphics and spelling]. *Bulletin of Ugric studies*. 2013, no. 3 (14), pp. 47–78.

Lyskova N. A. *Semantika padezha v obsko-ugorskikh yazykakh* [Case semantics in the Ob-Ugric languages St. Petersburg, SPbU Publ., 2003, 248 p.

Moldanova I., Normanskaia Ju. The Graphical Features of the first texts in the Khanty language. In: *5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018*, vol. 5, 3.1, pp. 197–204.

Mymrina D. F. *Kategoriya padezha v dialektakh khantyyskogo yazyka (sopostavitel'nyy aspekt)* [The category of case in the dialects of the Khanty language (comparative aspect)]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2006, 168 p.

Nikolaeva I. A. *Obdorskiy dialekt khantyyskogo yazyka* [Obdorsky dialect of the Khanty language]. Moscow, Gamburg, 1995, 256 p.

Okhat yukhan arəy imi. *Poyushchaya zhenshchina iz Ekht Yugana*. Sost. E. D. Kaksina [Singing woman from Eht Yugan]. E. D. Kuksina (Comp.). Tyumen, Format, 2014, 128 p.

Rédei K. *Northern ostyak Chrestomathy*. Bloomington, Indiana Univ. Publ., 1965, 132 p.

Sidorova M. A. Konkuretsiya formy dvoystvennogo chisla i konstruktssii s chislitel'ny'm v khantyyskom yazyke [Competition of the dual number form and construction with the numeral in the Khanty language]. In: *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunar. konf.* [Typology of morphosyntactic parameters. Proc. of an intern. conf.]. E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling, M. B. Konoshenko (Eds.) Moscow, 2016, iss. 3. pp. 260–272.

Steinitz W. *Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten Texte. Teil 1*. Tartu, 1939, 460 p.

Sulotskiy A. I. *Sochineniya v trekh tomakh: T. 2. O sibirskom dukhovenstve* [Essays in three volumes: Vol. 2. On the Siberian clergy]. V. A. Chupin (Ed.). Tyumen, Izd. Yu. Mandriki, 2000, 416 p.

Tereshkin N. I. *Ocherki dialektov khantyyskogo yazyka. Vakhovskiy dialekt* [Essays on dialects of the Khanty language. Vakhovsky dialect]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1961, pt. 1, 204 p.

Tereshkin N. I. Khantyyskiy yazyk [Khanty language]. In: *Yazyki narodov SSSR* [Languages of the peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1966, T. 3. Finno-ugorskie i samodiyskie yazyki [Vol. 3. Finno-Ugric and samoian languages]. pp. 319–342.

Tereshkin N. I. *Vakhovskiy dialekt khantyyskogo yazyka (fonetika i morfologiya)* [Vakhov dialect of the Khanty language (phonetics and morphology). Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1967, 221 p.

Tereshkin N. I. *Slovar' vostochno-khantyyskikh dialektov* [Dictionary of Eastern Khanty dialects]. Leningrad, Nauka, 1981, 544 p.

Timkin T. V. Otrazhenie konsonantizma salymskogo dialekta khantyyskogo yazyka v graficheskoy sisteme slovary A. M. Shegrena [The reflection of the consonantism of the Salym dialect of the Khanty language in the graphic system of the dictionary of A. M. Shegren]. *Ural-Altaic Studies*. 2019, no. 4 (35), pp. 107–118.

Shiyanova A.A. *Parnye slova khantyyskogo yazyka (na materiale shuryshkarskogo dialekta)*: monografiya [Paired words of the Khanty language (based on the material of the shuryshkar dialect): Mmonograph]. Tyumen, Format, 2015, 156 p.

Shmatova M. S. Konstruktsii "Chislitel'noe – sushchestvitel'noe" v khantyyskom yazyke: sluchai markirovaniya sushchestvitel'nogo pokazatelem chisla (na materiale teginskogo govora khantyyskogo yazyka) [Constructions "Numeral-noun" in the Khanty language: cases of marking a noun with a number indicator (based on the material of the Tegi dialect of the Khanty language)]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2010, vol. 6, pp. 181–185.

Shteynits V. K. Khantyyskiy (ostyatskiy) yazyk [Khanty (Ostyak) language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa*. [Languages and writing of the peoples of the North]. Moscow, 1937, pt. 1, pp. 193–227.

Yadobcheva-Dresvyanina V. Ya. *Sklonenie i spryazhenie v obdorskom dialekte khantyyskogo yazyka* [Declension and conjugation in the obdorsky dialect of the Khanty language]. Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2014, 193 p.

Zhivotikov P. K. Ocherk grammatiki khantyyskogo yazyka (sredne-obskoy dialekt) [An essay on the grammar of the Khanty language (middle Ob dialect)]. Yu. N. Rus-skaya (Ed.). Khanty-Mansiysk, 1942, 118 p.

Информация об авторе

Ирина Максимовна Молданова, научный сотрудник отдела хантыйской филологии ОУИПИР; младший научный сотрудник ИСП РАН

Information about the author

Irina M. Moldanova, Research Assistant, OUIARD; Junior Researcher, ISP

Статья поступила в редакцию 20.07.2020;
одобрена после рецензирования 08.11.2020; принята к публикации 08.11.2020
The article was submitted 20.07.2020;
approved after reviewing 08.11.2020; accepted for publication 08.11.2020